

ОТ РЕДАКЦИИ

Так повелось, что ситуацию современности проще всего идентифицировать, опознавая пафос ниспровержения традиции. Конечно, это ниспровержение не состоит в прямолинейном отрицании, — его определяющим моментом является встроенный механизм демаркации актуального поля движения опыта постольку, поскольку этот опыт накладывается на плотные отложения закрепленных форм знания, выполняющих по преимуществу историографическую и мемориальную функции наследия и памятников мысли. Хайдеггер, разработавший концепт «деструкции истории онтологии», выводит традицию из сокрытия ее учредительного начала. Он говорит о необходимости сохранять различие между усвоенными формами философского знания и усилиями мысли, в которых оно было получено. Не традицию важно возобновлять, мысля вслед великим предшественникам и изображая из себя карликов на плечах гигантов, а повторять по возможности само усилие мышления, даже если гиганты окажутся у тебя на плечах, — то самое усилие, откуда вышла философия, и которое никогда не возобновится, если всерьез полагать, что сумма предшествующих усилий навсегда осталась в истории, в ее осадочном слое.

Это начало — как неоплаченный счет, который некому предъявить, коль скоро и заимодавец, и ответчик как бы невзначай слились в одном лице. Но, как это ни странно, демистификация «утраченных» начал не дала ожидаемого результата, дух убитого не ожил в победителе. Похоже, прошло время, когда с упоением рассуждали об исчезновении трансценденции, о смерти Бога, о стирании различий. Теперь об этом говорят с неизбывной тоской. Трансценденция исчезла незаметно, словно испарилась, и когда ее хватились, на ее месте остался только след в виде клубящегося облака. Трансценденция опрокинулась, говоря словами Элиота, «Not with a bang but a whimper» («не с взрывом, но с всхлипом»). И эти всхлипы мы повсеместно слышим как призывы к толе-

рантности, к всеприсятию, за которыми нет ничего, кроме попытки установить строй всеобщего безразличия. Возможно, важнейшая цель на сегодня — пытаться возобновлять главные оппозиции человеческого существования. В этом отказе философии от демобилизации, которая совершилась, когда она перестала говорить о существе дела, об истоках и началах, видится шанс *различить неразлучимое* — божественное в человеческом усилении быть, и сродное ему безумие самомнения.

Мы надеемся, что наш журнал станет такой площадкой, где философская претензия и теологический вопрос обретут взаимное поле уместности, так что обращение вспять к началу Бытия, в согласии с естественным движением времени в прошлое, станет истоком всякий раз иной мысли о том же самом. Хотелось бы, чтобы она случилась здесь — в опытах размышлений о современности; в критическом прояснении ее имплицитного истока в традиции немецкого идеализма и тех формах мысли, что родились в этом апофеозе чистого мышления; в строгой школе схоластических дефиниций, отточенных в изощренных университетских диспутах; в исследованиях текстов греческой и латинской патристики и ее философского истока у греческих мыслителей.

Таково основное деление журнала по рубрикам, дополненное еще тремя. Первая из них отдана исследованиям по методологии знания. Во второй предполагается переиздание работ историко-философской тематики, принадлежащих выдающимся русским и зарубежным ученым. Тексты будут сопровождаться экзегетическими комментариями. Планируется обсудить главным образом малоизвестные широкому читателю, печатавшиеся мизерными тиражами исследования, очерки, эссе и письма авторов, вошедших в портретную галерею мировой науки и философии. В конце помещается раздел рецензий, призванный послужить представлению достойных научного читательского интереса книг, что совершенно необходимо в нынешней ситуации «взаимной друг друга неслышимости» для того, чтобы стать теми редкими современниками, которые читают друг друга и совместными усилиями создают единое мыслительное поле.